

Институты как условие и результат инновационного развития экономики

Анализ истории вопроса обнаруживает, что «инновация» («innovation» - англ.) означает нововведение, новшество, новаторство; *новое правило, вновь установленный порядок* (слов. С.И. Ожегова). Данное понятие можно найти еще в работах 20-х годов прошлого столетия по *развивающемуся менеджменту*, а в 30-50-е оно уже получает распространение в *научно-технической области*. Собственно *экономическая наука* начала активно использовать его в своем аналитическом обороте где-то в 80-е годы. Во-первых, остро обнаружилась в очередной раз проблема поиска новых источников экономического роста, чем ограничивалась в силу известных идеологических мотивов более фундаментальная проблема выбора *стратегии социально-экономического развития* за пределами капитала. Во-вторых, сказались не только « пороки рынка», но и « пороки государства» и поэтому встал вопрос как, в каких конкретных социально- и политико-экономических *формах* разрешить возрастающее противоречие между рыночным утилитаризмом и цивилизационными ценностями западного общества.. В-третьих, также следовало разрешить известное противоречие крупного капитала, имеющего *тенденцию к монополизации, к корпоративному обобществлению*, и малого бизнеса, «подогрев» тем самым естественно затухающую конкуренцию. В-четвертых, неоклассическая теория через понятие «инновации» делает попытку восстановить в «экономике» ее технико-технологическую основу, которая в классической политэкономии была представлена через «производительные силы» и соответствующие их элементы, взаимосвязь. Напомним, что именно использованием категорий «производительные силы» и «производственные отношения» разрешался вопрос об *источнике, экономических формах и направлении развития*, а также объяснялся его *циклический характер*. Наконец, в-пятых, уже остро почувствовалась необходимость *целостного, всестороннего, развивающегося и полного* научного отражения противоречивой реальности, в котором бы нашлось место *внеэкономическим условиям* и факторам хозяйствования. Усиливавшаяся научная специализация и приверженность идеологическим канонам не позволяли это делать, порождая очередной *порок мышления и «дефект знания»*. Таким образом, существенные изменения, происходившие в реальных хозяйственных процессах, а также осмысление гносеологических противоречий, серьезные теоретические наработки в других отраслях

знания и междисциплинарные исследования подвели к необходимости формирования новой теории с ее адекватной метапарадигмой и категориальным наполнением¹.

Обращение к методологии позволяет заметить, что первым и важнейшим *новаторским шагом*, ведущим к устойчивому развитию на разных уровнях хозяйствования, является критическое *осмысление и позитивная оценка* доминирующих исследовательских традиций, инвентаризация применяемого категориального аппарата и алгоритма исследования, поиск новых, более эффективных эвристических подходов с соответствующим аналитическим инструментарием и определение закономерностей построения не просто многочисленных концепций или программ, а именно целостной *непротиворечивой теории*. Причем не просто какой-то частной теории, которых сегодня в силу научной специализации сложилось целое множество, а фундаментальной теории, объединяющей эти локальные ветви знания и *отражающей целостно политико-экономическую* структуру, законы и принципы хозяйствования современной мир-экономики. Ведь то, что сегодня существует – это не что иное, как материализованное *знание прошлого*, закрепленное в определенной *институциональной структуре* и поддерживаемое адекватным образом *политико-экономического мышления* власти и населения в целом.

У. Баумоль, положивший начало новой дискуссии с целью подвести итоги достижения экономической теории за прошлый век, пишет: «... Наибольший научный прогресс по сравнению с началом века можно обнаружить *не в теоретических новациях*, а в развитии эмпирических исследований и применении теоретических концепций к решению конкретных практических проблем»¹ Применительно к нашей теме эвристические возможности неоклассической парадигмы Дж. Стиглицем оцениваются еще более конкретно: «Рыночная экономика, в которой исследования и инновации играют важную роль, недостаточно хорошо описываются стандартной моделью конкуренции»². Одна из фундаментальных причин такого положения заключается в том, по определению

---

¹ В 80-е годы философско-методологические дискуссии переросли в методологический бум, где явно просматривается идея формирования новой парадигмы с иным предметом и методологией. См., например: Алле М. Экономика как наука / Пер. с фр. – М., 1995. – 166 с.; Ананьин О. Экономическая наука в зеркале методологии // Вопросы философии, 1999, № 10, с. 135–152; Стиглиц Дж. Информация и изменение парадигмы экономической теории // Эковест, 2003, вып. 3, № 3, с. 336-422; Лемещенко П.С. Теоретическая экономика как научная основа мир-системы 21 века // Философия хозяйства. – М.: МГУ, 2006, № 4, с. 101-120.

¹ Баумоль У. Чего не знал А. Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики, 2001, № 2, с. 80, 104.

² Стиглиц Дж. Информация и изменение парадигмы экономической теории // Эковест, 2003, вып. 3, № 3, с. 391.

Л. Мизеса, что теория рыночной экономики (неоклассика) есть не что иное, как учение об *обмене*, т. е. каталлактика³.

Но если такая крайне скромная оценка относится к мировой экономической теории, то ситуация в экономической науке России, Беларуси, равно как и других постсоциалистических стран, усугубляется ее прошлыми традициями и оторванностью (в том числе и по языковой причине) от мирового научного сообщества, трансформационно-информационными *шоками* и *ловушками*. *Конфликт* в том, что при анализе и оценке, как прошлого, так и настоящего и тем более будущего, требуется *определенный мировоззренческий фокус, критерий, призма*, входящие составной частью в парадигмальную область теории. Экономисты этих стран, воспитанные в традициях *веры* к науке в целом, в одночасье освободили себя от «обязанностей» перед ортодоксальной теорией марксизма⁴. Это еще вовсе не означает, что «наши» как, впрочем, и другие в подобного рода ситуациях перехода на новую теорию мышления экономисты сразу в полном объеме освоили, включая философский контекст, альтернативные направления науки. Одна вера, перейдя в свою противоположность неверие, уже заменилась другой религиозной ортодоксией – «теорией рынка». Предметная и методологическая неопределенность, императивно-нормативная направленность, описательность, политическая эмоциональность и непроверяемость на истину характеризуют большинство статей по современной действительности. Экономическую науку на постсоциалистическом пространстве крайне сложно идентифицировать на принадлежность ее к какой-либо школе. В свою очередь учебные планы и программы по экономике в вузах механически скопированы иногда в упрощенных вариантах с вводных курсов провинциальных американских колледжей. Примечательно то, что образовавшийся в советское время разрыв между теорией и практикой, углубился еще больше, поскольку воспринятый некритически аналитический аппарат мейнстрима, преподаваемый в вузах, *почти никак* не используется в проводимых исследованиях¹. По нашим многолетним наблюдениям студенты интуитивно поэтому и сопротивляются активному восприятию предлагаемых им не знанию, а сомнительной информации. Дело в

---

³ Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. М., 2000, с. 10.

⁴ Как показывает постсоветский период, глубокое знание политэкономики К.Маркса обнаружили и обнаруживают далеко не все, кто из идеологической солидарности извлекал «степенную» ренту. Парадокс обнаруживается в том, что, пытаясь избежать описанных им противоречий капитала, во многих реформирующихся странах пробуют построить рынок без капитала и соответствующих конфликтов.

¹ Прежде всего, обращает на себя внимание крайне малое количество научных изданий по теоретическому срезу экономических исследований. К тому же «утрачены» свойства, признаки, которые отличают фундаментально научное от феноменологического знания, воспринимаемого на уровне здравого смысла. Метод «здравого смысла», отражая «нездоровость» переходной эпохи, воспроизводит усиление неопределенности и ведет к ошибкам, что с очевидностью подтверждается практикой.

том, что полезность, как пишет Р. Коуз, – это «вымышленная сущность, играющая, по моему, ту же роль, что когда-то эфир физике»².

Иначе говоря, эффективная *теория инноваций* является всего лишь *частным случаем* общего политико-экономического знания, где *развитие со всеми его составляющими является центральной проблемой*. Последнее же в научно-теоретическом виде не только активно не воспроизводится мировой наукой, но и мало генерируется. Поэтому и возник так называемый *инновационный пат*: все, что ни делается – это инновация, а развития нет. Обращение к истории показывает, что ни одна страна не может добиться устойчивого успеха в социально-экономическом развитии без востребованности в явном или имплицитном виде разработок *теоретической экономики или политэкономии на ее новом витке развития и использования*. Эта инновация или, иначе говоря, уровень развития и использования политико-экономических разработок имеет прямую корреляцию с уровнем благосостояния и социально-экономического развития страны в целом.

Одновременно обнаруживается прямая и обратная связь между *исходным институтом* – уровнем развития экономической науки в стране, сформировавшегося образа мышления и, естественно, уровнем развития экономики, который проявляется в том числе и в структуре экспорта в целом, экспорта высоких технологий³ в частности.

Институты и инновационная экономика. Принципиальной ошибкой, может быть *мифом*, является утверждение о том, что переход к рынку автоматически обеспечит экономический прогресс, рост и развитие. Если бы было все так просто, то индустриальные государства не нуждались бы ни в каких *теориях развития*, а развивающиеся страны уже давно бы разорвали *порочный круг*: бедность → низкая норма сбережений → слабая инвестиционная и инновационная активность → низкая производительность труда → низкие темпы роста → бедность. «...Иногда испытываешь шок, когда понимаешь, – пишет Дж. Хикс, – что не рынок был его (разделения труда - П.Л.) источником. *Изначально развитие мастерства не зависит от рынка*. Оно действительно предполагает специализацию (подобно введению нового технологического процесса на современной фабрике), *которая предписана «сверху»*¹.

Однако современное государство является слишком сложным институтом, чтобы, как и 200 лет тому назад, видеть лишь степень либерализма и экономической свободы, факторами роста и развития. С другой стороны риторические заклинания о всемогуществе

---

² Коуз Р. Фирма, рынок, право. М., 1993, с. 5.

³ Sustainable Development in a Dynamic World. Transforming Institutions, Growth, and Quality of Life. World Development Report 2003 / World Bank, Wash., 2003.

¹ Хикс Дж. Теория экономической истории. М., 2006, с. 44.

государства также являются теоретически малопродуктивными. Даже такие государственники как К. Маркс и Ф. Энгельс в работе «Немецкая идеология» видят, по крайней мере, три результата государственного управления: способствующее экономическому развитию страны, нейтральное и противодействующее. В этом направлении политико-экономическая мысль продвинулась вперед, включая в процесс развития все новые аспекты влияния. Например, эконометрически доказывается, что на экономический рост и развитие влияют не столько запасы капитала, демократия или стабильность власти, но и семья, религия, идеология (!) и другие факторы. Интересно исследование, в котором индекс Конфуция указывает на будущие перспективы развития той или иной страны². Оказывается, если в государстве придерживаются учения этого философа, то страна имеет высокий индекс и, следовательно, высокую ориентацию на будущее: Китай – 118, Гонконг – 96, Тайвань – 87, Япония – 80, Индия – 61, США – 29, Великобритания – 25.

Серьезная ошибка исследователей в области экономической истории и теории заключается в том, что они ведущим фактором экономического роста считают лишь ресурсы и размер капитальных вложений. На самом деле, ключевым условием развития и роста является *институциональная структура и ее воздействие на стимулы не только к изобретениям и инновациям, но и к более эффективной организации производственного процесса, к уменьшению транзакционных издержек на рынках товаров и ресурсов, к созданию юридической системы для контроля над выполнением контрактов, к определению и защите прав собственности, и главное, к совершенствованию и расширению этих стимулов до широкого социально-культурологического контекста*. Россия является ярчайшим примером тому, что можно иметь несметные богатства и испытывать экономические трудности. При таком подходе, следовательно, мы можем и не знать, как конкретно достичь желаемых результатов, однако мы можем правильно подойти к *разгадке*, почему все же нам не удастся этого сделать.

Институты выполняют роль «несущей конструкции» любого общественно-экономического образования и *с них всегда начинаются трансформации системы, равно как и ее завершение*. Поэтому как *устройство, так и изменение, совершенствование* социально-экономической системы предполагает в первую очередь обращение к ее *институциональному устройству и функционированию*. Показатели зрелости и развития институциональной системы стран, их рейтинг может убедить в том, что именно данные условия являются определяющими социально-экономических результатов их развития.

---

² Hofstede G. Culture and Organizations. Software of the Mind. – L., 1992.

Глобализация и соответствующие проблемы мир-экономики также обусловлены возникновением *особых институтов*, повлиявших на существенные изменения в мире и отдельных странах. «Нации конкурируют в основном в выборе альтернативных институтов или стратегии для стимулирования более быстрого экономического роста и повышения жизненного уровня... Конкурентоспособными являются те нации, которые выбирают институты и политику, способствующие долгосрочному росту»¹. Здесь мы добавим лишь, что это делается пока лишь за счет других стран, когда выгоды и издержки распределяются далеко непропорционально доле вклада в геополитическое благосостояние...

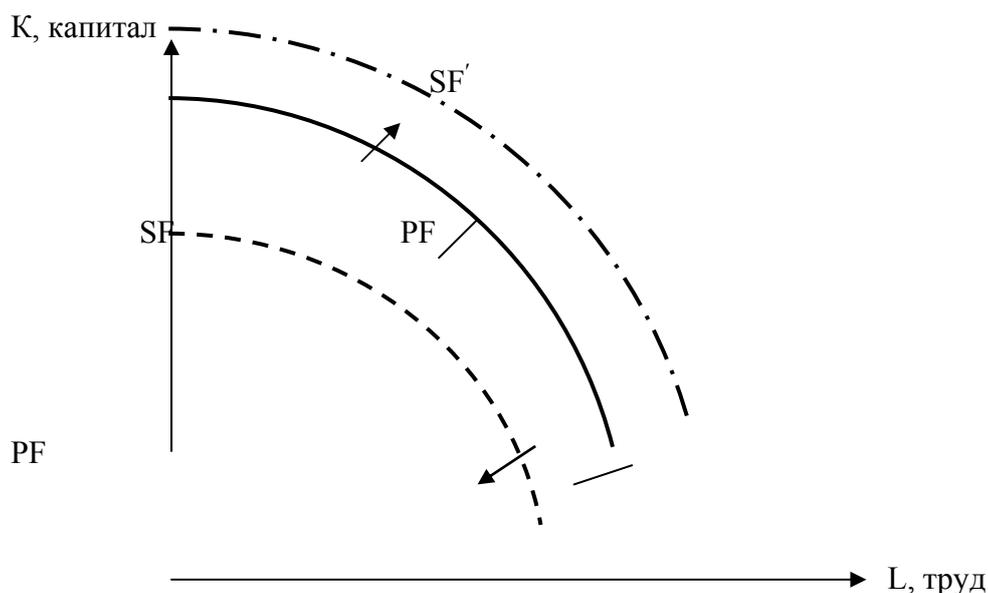
Важной методологической установкой для выяснения проблем развития в транзитивных экономиках представляется категория *транзакционных издержек и институциональная динамика*. Экономическое развитие и рост в определенных институциональных условиях — это, прежде всего, результат расширения *такой кооперации и обмена, при которых транзакционные издержки не увеличиваются*. В переходных экономиках из-за разрушения (стихийного или целенаправленного) старых формальных институтов образовалась *институциональная пустота*, поскольку социальный капитал системы разрушился, а «плотность экономического поля» резко снизилась. Новые же институты для своего создания потребовали глубочайших знаний по *закономерностям их планирования, проектирования и реализации*, чего до сих пор наука не наработала.

К тому же формирование системы институтов сопровождается довольно значительными затратами (и времени тоже), психологических издержками от «перестройки». Отдача же от новой системы институтов имеет свой цикл, *временной лаг и целевую направленность*. «Институциональные пустоты» создают условия для резкого снижения социального потенциала, не позволяющего, в конечном счете, реализовать имеющийся производственно-технологический потенциал. Таким образом, кривая «институционально-социальных возможностей» (см. рис.) может выступать препятствием реализации кривой «производственных возможностей» (PF). Взаимовыгодному обмену между экономическими агентами мешают увеличивающиеся транзакционные издержки, следствием чего выступает низкая эффективность используемых факторов производства, не обеспечивающая *высокотехнологичного прироста ВВП*.

---

¹ Сакс Дж. Доклад по глобальной конкурентоспособности на Международном экономическом форуме в Давосе. [Http://ft_telvision.com/today/stories/wef3.htm](http://ft_telvision.com/today/stories/wef3.htm) 20/04/98.

Однако созданные *новые институты (SF')*, которые отражают систему производственных отношений, в долгосрочном периоде могут обеспечить рост

Рис. Кривая производственных (PF) и социальных (SF) возможностей

и развитие экономики при тех же запасах физического и финансового капитала. Как показывает практика, требуются разработки способов, не просто методов взаимодействия государства и экономики на разных уровнях, а *адекватной и непротиворечивой институциональной системы. Институциональные инновации*, таким образом, это то базовое условие, которое закладывает фундамент для реального процесса социально-экономической динамики. Как отмечается в «Докладе о мировом развитии за 2002 год» исследователями Всемирного банка, «...положительные зависимости между экономическим развитием и показателями институционального успеха зафиксированы повсюду»¹. Самостоятельной и крайне сложной проблемой является проблема установления *связи между конкретными институтами и конкретными результатами в странах*.

Решение этой проблемы предполагает следующее. Во-первых, необходимо четко представить *параметры развития*, включая промежуточные и итоговые, к которым относится *отношения общения* человека и его институциональная среда обитания. Во-вторых, нынешняя *эффективная* инновационная стратегия не может просто ориентироваться на некие новшества, которых может быть множество, а должна отражать содержание современного *научно-информационного цикла*. В-третьих, управление инновационным процессом предполагает классификацию инноваций по определенным критериям, влияющим по-разному на развитие (базовые или радикальные инновации,

¹ Создание институциональных основ рыночной экономики / Пер. с англ. М., 2002, с. 9.

улучшающие, продуктовые, организационные, коммерческие и пр.). В-четвертых, институциональная система или подсистема, являясь основой развития хозяйственной системы в целом, имеет циклическую S – образную траекторию, отражающую разную степень транзакционных издержек и эффективности. В-пятых, институциональные изменения есть не что иное, как результат разрешения противоречия формальных норм и неформальных отношений, имеющих сложную процедуру взаимодействия. Иные же аспекты институционального сопровождения инновационного развития могут получить освещение в дальнейшей разработке теории планирования и проектирования институциональной динамики.